
Евгений ЭРАСТОВ

* * *

Эти красные ягоды бузины
В этом мокром, неровном, кривом лесу
Мне в награду за темные дни даны.
Я люблю эти ягоды и росу.

Я люблю эти ягоды и следы
От слизней на серой шляпке гриба.
Целкупный мир дождевой воды.
Не внушайте мне только, что жизнь — борьба.

На тропинке — крапивниц цветной аврал,
Лягушонка белый смешной живот.
И ты можешь назвать меня «либерал»
(Я свободу люблю!) или «патриот»,

Потому что счастливее нет страны,
Где ты можешь увидеть в кривом лесу
Эти красные ягоды бузины,
Эту птицу, парящую на весу.

* * *

Даже август — и тот изменил.
За минутой проходит минута.
Ни тепла, ни изломанных крыл
Стрекозиных, лишь баба Анюта

Вспоминает, что в сорок восьмом
Было нечто похожее вроде —
Мрачный август, разрушенный дом
И одна лебеда в огороде.

И на сонной реке рыбаки
В лыжных шапках, бомжовского вида
На цветные глядят поплавки.
Первый скажет: «Такая планида

Евгений Ростиславович Эрастов родился в 1963 году. Окончил Горьковский медицинский институт и Литературный институт им. А. М. Горького. Доктор медицинских наук. Публиковался в журналах «Волга», «Москва», «Дружба народов», «Звезда», «Наш современник», «Новый мир», «Сибирские огни», «Подъем», «Юность» и др. Автор шести поэтических и четырех прозаических книг. Живет в Нижнем Новгороде.

У России». Второй промолчит.
Ну а третий, глотнув для сугрева,
Еле слышно под нос пробурчит:
«Не боимся мы Божьего гнева».

А четвертый, прокуренный лох,
Проскрипит, не справляясь с зевотой:
«Русский в скачке довольно неплох —
Запрягает всегда с неохотой.

Нам бы только поправить плетень,
Что свалил стоеросовый пень,
Пьяный ельциный черт поросячий».
И холодный кончается день
В медитации этой рыбачьей.

* * *

Незлобивый отец и заблудшее чадо.
Пастырь любит овец, бессловесное стадо.

Темный Рембрандт в углу. Ты забыл его, друже?
Он на грязном полу, этот сын неуклюжий

На коленях стоит, он вернулся под своды
Церкви, каменных плит, вездесущей природы.

Старший брат Узиил даром время не тратил —
Он не пил, не курил и девиц не брюхатил.

И работал как вол, и ходил в синагогу.
И отца произвол не припомнил он Богу.

Мелкой каплей росы насыщался он, Боже.
Почему блудный сын для Тебя был дороже?

Но бывает подчас и другая картина —
То отец-дурендас, позабывший про сына.

Удалец, Дон Жуан, что при всякой погоде
По мостам, как болван, с прошмандовками бродит.

Или, скажем, другой — неопрятный и потный,
Дружит с Бабой Ягой и всегда безработный.

Вот идет он, и кепка торчит на затылке,
И звенят в его сетке пустые бутылки,

А в хлебале щербатом сереет окурок.
Он ругается матом, лохастый придурок.

...Но а мы-то — пипец! — в той трясине родились,
Где и сын, и отец навсегда заблудились.

Ни кола, ни двора, ни приличной зарплаты.
Лишь свистят до утра соловьи-депутаты.

Заливает шпана нам про райские кущи.
Да пошел-ка ты на ..., этот век проклятуший.

* * *

Я программу скачал в Интернете.
Есть такая забава на свете —
Интереснее многих, мой свет.
Мне теперь предоставлены в цвете
Фотографии прожитых лет.

Снова катятся детские санки
В первозданной моей тишине,
И ступенчатость зимней огранки
Черно-белой не кажется мне.

На карнизе стальная голубка
Стала сизой, и алой — закат.
Я узнал свою рыжую шубку
И коричневых пуговиц ряд.

Как давно это было, однако!
Синий дым над трубою дрожит,
И трехцветная эта собака
Рядом с санками бодро бежит.

Желтизна скособоченной печки,
На тарелке цветные драже,
И на санках кривые дощечки
Темно-синими стали уже.

О, как залита солнцем округа!
Золотисты сугробы двора.
Но еще изумительней, други,
Разноцветный рисунок ковра.

Как узоры тонки и красивы!
И уже понимаешь без слов,
Почему наши русские дивы
Все позируют возле ковров.

Как он связан с природой суровой,
С невеселою русской судьбой!
...Цвет бывает весомее слова —
Фиолетовый, желтый, лиловый,
Светло-розовый и голубой...

* * *

Я родился здесь, но в другой стране.
И умру я здесь, но в стране другой.
И моей страны не увидать мне.
Так вот все и кончилось, дорогой.

Неужели здесь вещий князь Олег
Повелел щитом заслонить Царьград?
Неужели здесь возле вольных рек
Поднялся кремлей-куличей парад?!

В беловежской тьме, под еловый скрип
Ведь не я же спяну порол бузу,
Я под сенью тихих дворянских лип
Тридцать лет мечтал переждать грозу!

Костромич седой в сапогах тугих!
Здесь убил тебя горделивый лях?
...Помирай скорей, непродажный стих!
Замерзай в валютных своих полях.

* * *

Я видел Рим, я видел эту синь
Нерукотворных фресок Рафаэля,
И чудо римских мраморных святынь,
И роскошь итальянского апреля.

Извилистые видел берега,
Причудливые камешки у мыса.
Там пиния изящна и строга,
И талия стройна у кипариса.

А на востоке, где стоит луна
Ущербная, где дремлет старина
И рвется ввысь пирамидальный тополь,
Там Рим Второй, там древняя стена...
Я видел и тебя, Константинополь.

Наш Третий Рим страшнее первых двух —
Стрелецких казней сатанинский дух
Был русскими прочувствован и понят.
Наш Вечный город не для слабаков —
Божественные сорок сороков
И отпоют тебя, и похоронят.

И как отметил старец Филофей
В скуфейке старой, вечности трофей:
«Четвертому не быть!» И как проказы
Боится мир, напичканный трухой,
Не русской смуты, подлой и бухой,
А этой гордой стариковской фразы...